

И.И. Матвеева

О двух редакциях повести А.П. Платонова «Город Градов»: к творческой истории произведения

В статье рассматриваются различия двух редакций повести «Город Градов»: объясняются причины использования многообразных шрифтов в редакции 1927 года и отказа от визуализации текста в редакции 1928 года, даётся научный комментарий усложнённой знаковой системы произведения.

Ключевые слова: А.П. Платонов; «Город Градов»; П.Н. Черменский; текстология; неклассическая сатира.

В издательской практике писатели порой сталкиваются с необходимостью сокращать свои произведения, изымать из них малые или большие фрагменты. Иногда это приводит к изменению смысла вещи, созданию новых вариантов и даже редакций. Особенное давление со стороны цензуры испытывали писатели советского периода. Не стал исключением и А.П. Платонов, чьи творения постоянно подвергались редакционной правке.

Повесть «Город Градов» была впервые опубликована в сборнике «Епифанские шлюзы» в 1927 году. При жизни Платонова она издавалась ещё дважды: в литературно-художественном сборнике «Красная панорама» (1928) и авторском сборнике «Происхождение мастера» (1929). Текстологический анализ произведения дан в книге Н.В. Корниенко «История текста и биография Платонова» [9] и в сборнике ИРЛИ РАН «Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы» (2008) [11], однако белые пятна в истории текста повести по-прежнему остаются, что продиктовало необходимость настоящей статьи, цель которой — объяснить причину трансформации знаковой системы произведения, движения от усложнённости первой редакции к простоте второй.

При сравнении редакций повести в сборнике «Епифанские шлюзы» и журнале «Красная панорама» становится очевидной разница в их графическом оформлении. В первом издании использованы многообразные шрифты и довольно изысканные способы выделения некоторых фрагментов текста (рис. 1–2), тогда как во второй редакции визуальный ряд практически не используется.

С какой целью в первой редакции использованы многообразные способы оформления фрагментов, которые никогда не повторяются и воспринимаются либо как некая игра, либо как специфическое конструирование печатного текста? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим наиболее характерные варианты графического начертания некоторых отрывков повести.

Шмаков кипел благородством невысказанных открытий. Он хотел выступить перед Бормотовым и прочими на свою сокровенную тему:

Именно так он хотел переименовать свои «Записки государственного человека».

Рис. 1. Фрагмент повести

Шмаков через год умер от истощения на большом социально-философском труде:

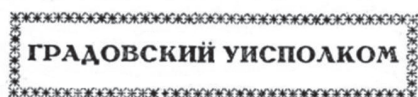

Рис. 2. Первая страница рукописи Шмакова

Первый способ создания визуального ряда — это *помещение фрагмента в рамку*. Так выделены вывески учреждений, названия различных документов и т. д. Коррелятивной парой являются две вывески, одна из которых открывает, а вторая завершает тему борьбы градовских чиновников за главенство в регионе: «Градовский уисполком», «Градовский сельсовет» (рис. 3–4).

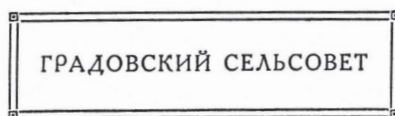
— А вот он город и есть! — ответит ему возчик и укажет на тот же двухэтажный дом старинной стройки.

На доме том висит вывеска:

На краю базарной площади стоят еще несколько

Бормотов жив и каждый день нарочно гуляет перед домом, где раньше помещался уисполком. Теперь на этом доме висит вывеска:

Но Бормотов не верит глазам своим.

Рис. 3. Вывеска 1

Рис. 4. Вывеска 2

Примечательно, что обе таблички висят на одном и том же доме, но в разное время. Первая вывеска более богатая, что подчёркнуто полужирным шрифтом и нарядной окантовкой; в финале повести здание бывшего уисполкома отмечено лишь небольшой табличкой (рис. 4), скромность которой обозначена с помощью графики: полужирный шрифт снимается, узорная окантовка заменяется простой, неброской. Сюжетно подобная метаморфоза объясняется тем, что волевым решением Москвы статус градовского управляющего органа понижается. Соответственно меняется и антураж учреждения.

Во второй редакции уездному исполнительному комитету возвращён статус губернского исполкома. При этом повышение ранга учреждения влекло за собой повышение градуса конфликта, который из местного превращался в государственный [9: с. 71]. Однако в финале повести градовский губисполком, как и в первой редакции, «разжалован» в сельский совет. Любопытно, что в редакции 1928 года Платонов восстановил первоначальный идейный смысл произведения, запечатленный в черновых вариантах, где речь идёт о борьбе губернских городов за статус головного во вновь создаваемой области и о жёстком решении Москвы. Конфликт губернских городов не был выдуман Платоновым. К 1928 году завершилась работа по созданию крупнейшей Центрально-Черноземной области (ЦЧО), в состав которой вошли Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Формирование новой территориально-административной единицы сопровождалось борьбой за главенство, не закончившейся и после выхода постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года, официально закрепившего новую административную единицу. Вот почему данный сатирический намёк был далеко не безобиден и изъят редактором Г.З. Литвиным-Молотовым при подготовке к печати сборника «Епифанские шлюзы». Однако как только у Платонова появилась возможность вернуться к первоначальному замыслу, он не преминул ею воспользоваться.

В конце 1926 – начале 1927 года (времени создания повести) Платонов активно формировал собственный стиль, во многом основанный на приёме затруднённого восприятия текста и восходящий к экспериментам левого искусства (В. Шкловский). Платонов знал, что его произведения сложны для читателя, но сознательно шёл на риск⁵. Он буквально конструировал художественную ткань «Города Градова», используя огромный «подручный материал»: собственный инженерный опыт, политические и бюрократические документы того времени, научно-популярные статьи, интертекстуальные отсылки к литературным произведениям и пр. Весь этот обширный материал органично слит воедино, переплавлен, пропущен через призму авторской иронии и, на первый взгляд, не расчленим. Но Платонову была важна активная рецепция читателя, поэтому он дал ему возможность «зацепиться» взглядом за отдельные (важные) места произведения.

⁵ В январском письме к жене из Тамбова 1927 года Платонов поделился: «Вот — “Епифанские шлюзы”. Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим слогом. Это может многим не понравиться» [1: с. 465].

Большинство названий документов, заключённых в редакции 1927 года в рамки, загромождены труднопроизносимыми оборотами, чиновничьими штампами (рис. 5–6):

Рис. 5. Документ 1

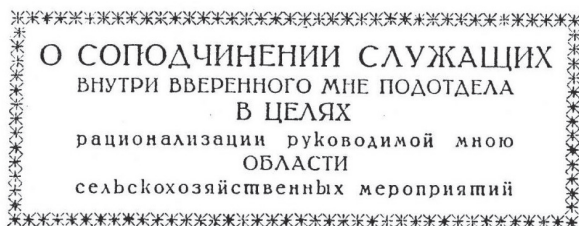

Рис. 6. Документ 2

Тонко чувствующий стиль Платонов вряд ли допустил бы в своём тексте тавтологию («Проект... проектируемого градовского округа») (здесь и далее в цитатах курсив мой. — И.М.). Поместив текст в рамку, он дистанцировался от написанного и одновременно акцентировал внимание на тяжёлом бюрократическом новоязе, неуклонно набирающем силу, проникающем в обыденную речь и названном М. Зощенко в рассказе 1925 года «обезьяньим языком».

Если названия документов в повести сложны для восприятия, то «вырезки из газет» (рис. 7) вполне читабельны и могли быть размещены непосредственно в тексте. Тем не менее Платонов выделил их, создав эффект «реальности», словно данный фрагмент целиком взят из газеты или журнала. Мы не можем ни утверждать, ни отвергать предположение о «заимствовании» Платоновым данного текста из какого-либо печатного издания: таких заметок в местной и центральной прессе в 1926 – начале 1927 года было великое множество, так как в январе 1927 года состоялся Всесоюзный съезд АВИАХИМ и внимание общественности было приковано к успехам советской авиации [6; 7; 12]. Важен сам факт визуальной отсылки к *подобного рода* публикациям, что создавало семантическую провокацию, иллюзию близости изображенного читателю.

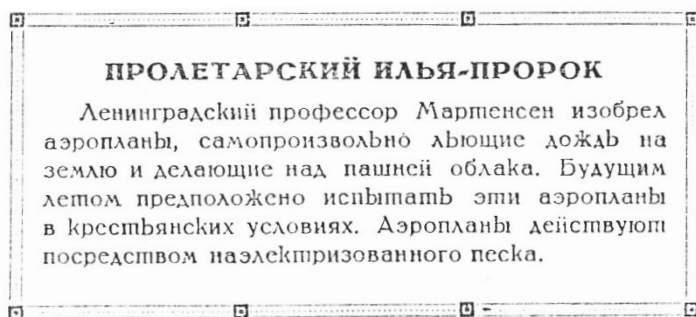

Рис. 7. Вырезка из газеты

Довольно большая часть графически выделенных Платоновым фрагментов организована с помощью *сдвига абзаца вправо*. Часто такой текст ещё в рукописи был дополнительно обозначен с помощью тире или кавычек. Таковы, например, микросюжет о Микишке, летавшем на аэроплане перед Иваном Грозным (рис. 8), а также выдержки из бюрократических постановлений («выявить, использовать, учесть и в дальнейшем снова использовать внутренние умственные силы пролетариата...» и т. д.).

Один член этой приемочной комиссии вслух
прочитал книгу, где говорится —
— как холоп Микишка сделал
аэроплан и лепал на нем перед
царем Иоанном Грозным —
чем убедил окончательно комиссию в скрытых
силах пролетариата и трудового крестьянства.

Рис. 8. Сдвиг абзаца 1

Визуализация подобных кусков повести также создаёт эффект цитатности, интертекстуальной переключки с какими-то до сих пор неизвестными, но реальными текстами, поданными в комическом ключе.

Например, приведённый на рис. 9 текст отсылает к творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, а именно к его философствующим помпадаурам и градоначальникам Козелкову, Бородавкину, Грустилову. Именно так, очевидно, следует воспринимать отрывки из труда главного героя повести Шмакова «Записки государственного человека» (рис. 9) и его изречения о работе чиновников: «Круг обязанностей каждого сотрудника очерчен недостаточно четко, служащие суетятся с малой пользой, в бумагах запор смысла и скользкая бесплановая логика...» или «*волокита* есть умственное коллективное вырабатывание социальной истины, а не порок» [2: с. 132].

Два последних фрагмента — это также иронический отклик на антибюрократическую кампанию в газетах. Ярким сторонником борьбы с бюрократизмом и волокитой был Ф.Э. Дзержинский, который видел в них прямую угрозу коммунистическому режиму и требовал отказаться от лишних бумаг, упростить делопроизводство, сокращать штаты. Борьбу против волокиты он предлагал самую радикальную, призывая к «хирургическим» методам искоренения бюрократизма. Так, в газете «Правда» от 23 июня 1926 года Платонов мог прочитать слова: «В вопросе отчетности отнюдь не следует зарекаться от *хирургического вмешательства*. Нужно решительно свести бумажную переписку и отчетность до минимальных размеров, заменив их методами личного общения, выезда руководителей на места» [8: с. 351]. Выражение Дзержинского было широко известно, его цитировали, что нашло отражение в одном из «тамбовских» писем Платонова: «Высшая администрация меня “обожает”: вот, говорят, настоящий *хирург*, какой нам нужен был» [1: с. 460]. Автобиографический персонаж Шмаков так же, как

Платонов в 1926 году, ехал в Градов искоренять бюрократизм, сокращать штаты⁶. Однако чиновники не сдавали позиций, поэтому Платонов с помощью сатиры пытался обратить внимание высших органов на вопиющую проблему, а также подсказывал действенный путь её решения «сверху».

Помимо содержания и его политического контекста в приведённых отрывках интересна и форма. Многие из них по своему очертанию напоминают стихи. И хотя они не зарифмованы, однако в выделенных строках присутствует частичная ритмизация по типу тонического стиха. Наиболее ритмически организованными оказываются первые строки:

Круг обязанностей каждого сотрудника
очерчен
недостаточно
четко,
служащие суетятся с малой пользой.
в бумагах
запор
смысла
и скользкая бесплановая логика,
в толчее и подотдельской тесноте сотрудники
утратили самую цель своих трудов
и
исторический смысл
своей службы [2: с. 129–130].

Оформляя таким образом измышления Шмакова, Платонов иронически указывал на нереализованный поэтический дар своего героя, на склонность к писательству и, таким образом, на его автобиографический характер. Примечательно, что главный герой претерпевает эволюцию: из романтического философа советской бюрократии он постепенно превратился в заурядного чиновника, сдавшего свои позиции преобразователя. Любопытно, что в финале повести он уже пишет свои сентенции не стихами, а обычным способом — в строчку.

Любопытно, что некоторые вставные новеллы, напрямую не связанные с сюжетом, Платонов графически не выделил. Таков рассказ о русском и мордвине, стоящий в тексте повести особняком. Это подтверждает то, что выделение текста не было случайностью и сопряжено с неким замыслом писателя, а также с модными авангардными изысками в литературе, в частности, с монтажным принципом построения художественного текста, продемонстрированным Платоновым в статье «Фабрика литературы»: «Я <...> купил кожаную тетрадь... <...> В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ, как то: вырезки из газет, отдельные фразы оттуда же,

⁶ А.П. Платонов в 1926 году был направлен в Тамбов с особым заданием наладить работу местного губернского земельного управления.

вырезки из много- и малочитаемых книг... <...> Затем я <...> беру целые диалоги, описания улиц, воздуха, обстановки и прочих чудес — все по готовому, лишь слегка изменяя их, соответственно замыслу или своим способностям и связывая интервалы цементом из личного багажа. Получается сочинение, где лично моего (по числу букв) 5–10 %, зато все мое душевное желание, зато весь мой “монтаж”» [4: с. 50–51]. Приведённая цитата показывает, как Платонов понимал и, главное, применял приём монтажа. В первой редакции он открыто демонстрировал его, поэтому заимствованные куски текста обозначил графически, свой же собственный текст не выделил, поэтому притча о русском и мордвине напечатана обычным шрифтом.

Высказанную гипотезу подтверждает книга П.Н. Черменского⁷ «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» [5] — важный источник повести Платонова. Писатель взял довольно большие куски из книги Черменского, выделив их с помощью шрифта. Платонов, очевидно, был знаком с местным краеведом, иначе вряд ли позволил себе столь вольно обращаться с текстом его книги, обыгрывая фрагменты из неё в ироническом ключе. Их пути могли пересечься и в архиве, где работал Черменский, и в издательстве местной газеты, в которой Платонов пытался публиковать свои произведения. Косвенным доказательством симпатии Черменского к Платонову может служить тот факт, что одним из педагогов Черменского был однофамилец писателя С.Ф. Платонов — профессор Петербургского университета [10: с. 261]. Не знакомством ли с П.Н. Черменским Платонов обязан интересу к раскопкам, памятникам старины, найденным под напластованием пород? Вспомним подобные сцены из повести «Эфирный тракт», дату окончания которой Платонов обозначил 1 января 1927 года (Ср.: Черменский. Новая находка костей мамонта // ИТОИПКМК. Вып. 1. Тамбов, 1925. С. 24).

Как бы то ни было, но текст, заимствованный из книги тамбовского краеведа, *выделен с помощью шрифта*. В одном из фрагментов Черменский описал местный праздник весны, приуроченный к Красной горке: «В этот день мужчины и женщины выходили в поле для общих игр, водили хороводы <...> Весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот, насвистывали ветер» [5: с. 45]. Ср. у Платонова: «весной в новолунье и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и насвистывали ветер» [2: с. 130–131]. Как видно из примера, совпадение полное.

Из ряда народно-поэтических обычаев, описанных Черменским, Платонов взял только те, которые в 1920-х годах проходили по ведомству «суеверия», а потому могли быть без опаски осмеяны: *купание в новолунье и первый гром*, которому древние славяне приписывали магическую силу, делающую человека здоровым и красивым; *обычай умываться с серебра*, восходящий к народным

⁷ Черменский П.Н. (1884–1973) — учёный, исследователь Центрально-Чернозёмного края, житель Тамбова. Занимал должность научного сотрудника Тамбовского архива и одновременно заведующего историко-археологическим отделом Тамбовского народного музея. В 1924 году была создана организация «Тамбовское общество изучения природы и культуры местного края», в которой Черменский был секретарём.

представлениям о связи воды с иным миром, а также к христианской традиции освящения воды, согласно которой серебряный предмет, опущенный в воду накануне праздника, становится способным «смывать грехи», очищать от печали, болезни [13: с. 96–97]. *Обычай лить воск* связан с народной магией и гаданиями о замужестве, жизни и смерти. Воск считался «святым» веществом, поэтому часто использовался в качестве оберега [13: с. 120]. Не случайно главному герою повести «Котлован», которую Платонов напишет через три года после Тамбова, герою, восходящему к любимому типу «сокровенного человека», писатель дал «святую» фамилию Вощев. Но в 1927 году Платонов использовал эти и другие факты проявления религиозности народа для изображения косности Градова.

Второй фрагмент, взятый у Черменского и выделенный графически, посвящён крестьянке Алёне — предводительнице мятежных отрядов поценского края в XVIII веке.

Платонов вольно переложил его (ср. с текстом на рис. 10): «“А езда де они”, читаем в одном документе того времени, “воровские казаки по уездам, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных де людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных чинов служилых людей, никого не рубят и не грабят”» [5: с. 46]. Легенда о казни предводительницы крестьянского восстания из книги Черменского с помощью сатирического приёма подмены создаёт перекрытие смыслов. Так, реалии середины 1920-х годов — земельный передел — обращают к автобиографическому пласту повести, к работе Платонова в Воронежском и Тамбовском губземуправлении, где в большом количестве рассматривались подобные вопросы, при этом принимались во внимание революционные заслуги просителей (в тексте — революционные заслуги потомков Алёны). В то же время фраза: «Тов. Шмакову. Реши это дело, пожалуйста, окончательно. *Пятый год* идет волокита о семи десятинах» [2: с. 132], — содержит намёк на событие Тамбовской земли *пятилетней давности* — Антоновский мятеж 1920–1921 годов. Этим, очевидно, объясняется нерешительность Шмакова, увидевшего аналогию событий, происходивших в разные века. Вероятна и отсылка к щедринскому городу Глупову, история которого также имеет яркие страницы восстаний, возглавленных женщинами («Сказание о шести градоначальницах»).

На службе Ивану Федотовичу дали дело о наделении землей потомков некоей Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов Поценского края в XVIII столетии и которую сожгли за чародейные дела в срубе в г. Кадоме.

«Ездили они, опцы наши, воровские казаки,—читал в деле Шмаков—по уездам, рубили помещиков и вотчинников, за которыми были крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и иных служилых людей, никого не рубили и не грабили».

Рис. 10. Фрагмент о крестьянке Алёне

Вообще же, вплетая эпоху XVIII–XIX веков в текст произведения, Платонов мыслил её не как безвозвратно ушедшую в прошлое, но как живую, связанную с низовой жизнью провинциальной России. Создавая собственную сатирическую концепцию истории, Платонов показал извечное желание народа приспособиться к обстоятельствам и даже извлечь из них выгоду.

Так, используя многообразные графические изыски, Платонов с помощью приёма монтажа создал игровое поле, наполненное отсылками к животрепещущим вопросам современности, где ирония прикрывала главный серьёзный смысл произведения. Однако при переиздании повести Платонову пришлось убрать игровой компонент, что повлекло за собой отмену демонстрации «чужого текста», а следовательно, иронию, сопровождающую такую демонстрацию. Почему же это произошло? Самый очевидный ответ напрашивается сам собой: журнал «Красная панорама», вероятно, не имел технической возможности использовать разнообразные шрифты, а Платонову важно было переиздать произведение во что бы то ни стало. В 1928 году писателю было гораздо важнее продемонстрировать политическую и сатирическую составляющие повести, а не эстетическую и игровую. Тем не менее отказ от игры шрифтами повлёк изменение смысловой палитры вещи, перевод в подтекст некоторых ранее более очевидных смыслов.

В связи со сказанным не случайной выглядит трансформация рамочного текста во второй редакции повести. Редакцию 1927 года предваряют два эпиграфа: «Чем больше обещает юность в будущем, тем она смешнее в настоящем. Прохор Годяев, мыслитель XVIII века» и «Мое сочинение скучно и терпеливо, как жизнь, из которой оно сделано. *Ив. Шаронов, писатель конца XIX века*» [2: с. 111]. В 1928 году Платонов снял первый эпиграф. Его исчезновение можно объяснить тем, что к 1928 году зависимость человека от произвола чиновников вызывала у писателя всё большую тревогу, поэтому он убрал элементы, ориентирующие на опознавание смехового кода, в том числе первый эпиграф, тем более что в первоначальном варианте, в рукописи, его не было. Он был вписан Платоновым по настоянию редактора Г.З. Литвина-Молотова, который, желая более лёгкого прохождения сборника «Епифанские шлюзы», пытался придать «Городу Градову» вид безобидного юмористического произведения. Между тем снятый эпиграф, приписанный мыслителю Прохору Годяеву, высвечивает некоторые постоянные константы творчества Платонова, в частности, его излюбленный приём, который можно определить как *разнонаправленность смыслов одного образа*. Так, фамилия Годяев звучит двойственно. Она может восходить как к слову «негодяй», так и к «годить» — ждать.

Примечательно, что изречение, ставшее эпиграфом, приписано философу, мыслителю, каковым Платонов и был в жизни. Но пафос аналогии снимается изрядной долей автоиронии. Любопытно, что в записной книжке 1931–1932 годов Платонов написал чрезвычайно важную для понимания его творчества фразу: «Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — останется главным по содержанию навсегда, надолго» [3: с. 100]. Действительно, идея «Города Градова» более чем серьёзна. Повесть задумывалась как сатира на СССР, где, по мнению

Платонова, произошла подмена демократических завоеваний на «чинный порядок» — власть бюрократии. Поэтому уступив Молотову при подготовке к печати своего первого прозаического сборника, Платонов во второй редакции высветил именно политическую проблематику произведения, решительно отметая оговорки о «смешных» ошибках молодой страны. Но вместе с тем из текста ушла изящная игра, которая определяла жанр произведения как некую синтетическую субстанцию и приобщала его к достижениям неклассической сатиры начала XX века. Поэтому обе редакции, несомненно, имеют право на существование, ибо в каждой писатель являет разные грани своего таланта.

Библиографический список

Источники

1. Архив А.П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
2. Платонов А.П. Епифанские шлюзы. М.: Мол. гвардия, 1927. 286 с.
3. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 424 с.
4. Платонов А.П. Фабрика литературы. М.: Время, 2011. 720 с.
5. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. 86 с.

Литература

6. Аэропланы скорой помощи // Тамбовская правда. 1926. 1 июля.
7. Воздушное сообщение Ленинград – Берлин // Правда. 1927. № 9. 25 янв.
8. Дзержинский Ф.Э. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 371 с.
9. Корниенко Н.В. История текста и биография Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 1–320.
10. Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. М.: Древлехранилище, 2011. 315 с.
11. Матвеева И.И. Становление Платонова-сатирика (опыт текстологического анализа повести «Город Градов») // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, ИРЛИ РАН, 2008. С. 264–280.
12. Мокеев А. Работа АВИАХИМа в Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1926. № 157. 14 июля.

Справочные и информационные издания

13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лас, 1995. 416 с.

References

Istochniki

1. Arxiv A.P. Platonova. Kn. 1. M.: IMLI RAN, 2009. 696 s.
2. Platonov A.P. Epifanskije shlyuzy'. M.: Mol. gvardiya, 1927. 286 s.
3. Platonov A.P. Zapisny'e knizhki. Materialy' k biografii. M.: IMLI RAN, 2000. 424 s.
4. Platonov A.P. Fabrika literatury'. M.: Vremya, 2011. 720 s.
5. Chermenskij P.N. Kul'turno-istoricheskij ocherk Tambovskoj gubernii. Tambov, 1926. 86 s.

Literatura

6. Aeroplany' skoroj pomoshhi // Tambovskaya Pravda. 1926. 1 iyulya.
7. Vozdushnoe soobshhenie Leningrad – Berlin // Pravda. 1927. № 9. 25 yanv.
8. *Dzerzhinskij F.E'*. Izbr. proizv.: v 2 t. T. 2. M.: Gospolitizdat, 1957. 371 s.
9. *Kornienko N.V.* Istoriya teksta i biografiya Platonova (1926–1946) // Zdes' i teper'. 1993. № 1. S. 1–320.
10. *Krivoshein N.V., Ry'zhkov Yu.A.* Petr Nikolaevich Chermenskij: zhizn' i deyatel'-nost' vy'dayushhegosya kraevedu. M.: Drevlexranilishhe, 2011. 315 s.
11. *Matveeva I.I.* Stanovlenie Platonova-satirika (opy't tekstologicheskogo analiza povesti «Gorod Gradov») // Tvorchestvo Andreyu Platonova. Issledovaniya i materialy'. Kn. 4. SPb.: Nauka, IRLI RAN, 2008. S. 264–280.
12. *Mokeyev A.* Rabota AVIAXIMA v Tambovskoj gubernii // Tambovskaya pravda. 1926. № 157. 14 iyulya.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. Slavyanskaya mifologiya. E'nciklopedicheskij slovar'. M.: E'llis Las, 1995. 416 s.

I.I. Matveeva

On Two Editions of the Novel «Gorod Gradov» by A.P. Platonov: the Creative History of the Work

In this article, the author looks into the distinctions between the two editions of the novel «Gorod Gradov», explains the reasons for using multiple fonts in the edition of 1927 and the reasons for refusing the text rendition in the edition of 1928, provides a scientific comment to the complicated sign system in the novel.

Keywords: A.P. Platonov; «Gorod Gradov»; P.N. Chermenskij; textual criticism; non-classical satire.